С.А.Шаронова,
доктор социологических наук, доцент

УПРАВЛЕНИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

Понятие «управление» трансформируется по мере изменения общественных отношений. Современная тенденция характеризуется институционализацией всех процессов, возникают социальные практики, где в качестве главной силы формирования и управления выступает человеческий капитал. К таким явлениям относится институционализация знаний, в частности, в области социально-гуманитарных наук. Использование этих знаний в виде конкретных социальных технологий, позволяющих тиражировать результаты их воздействия на конкретные социальные ситуации, приводит к неоднозначным последствиям. Поскольку во всех этих технологиях идет игра с человеческими ценностями и нормами поведения, то использование их «вслепую», без понимания того, что заложено в механизме той или иной процедуры, может привести к серьезным социально-психологическим конфликтам и культурным деформациям. Социальные технологии (СТ) становятся, таким образом, еще одним источником риска современного общества.

В России термин «социальные технологии» вошел в практическое пользование в конце 1970-х гг. Основной дискурс, который затрагивает это понятие, лежит в плоскости уяснения вопроса правомерности применения технологического подхода к управлению сознанием, в раскрытии специфики СТ (по сравнению с технологиями несоциальных сфер). Поэтому объектом исследования долгое время оставалось понятие технологии, технологизации общественных отношений[1].

Понятие «социальные технологии» не имеет четкого определения. По мнению Т.Ю.Клинух, «социальная технология характеризуется тем, что в ней может происходить не только постоянное или регулярное воспроизводство каких-либо функций, свойств, связей или отношений, но и определенная потенциальная готовность к новому, что связано с включением в технологию профессионалов, преследу-

[1] См.: Этюды по социальной инженерии: от утопии к организации / Под ред. В.М.Розина. М., 2002; *Подшивалкина В.И.* Социальные технологии: проблемы методологии и практики. Кишинэу, 1997; *Иванов В.И., Патрушев В.И.* Социальные технологии. М., 2004.

ющих определенные цели»[1]. В этой дефиниции технология представлена в виде постоянного или регулируемого воспроизводства функций, свойств, связей или отношений, а социальное – в виде включения в технологию профессионалов, преследующих определенные цели. Такая неопределенность объясняется тем, что СТ в российской науке не выделены в самостоятельную дисциплину, они остаются обслуживающим инструментарием разных дисциплин: социального проектирования, социологии управления, социологии труда, социологии коммуникаций и т. д., то есть везде, где есть социальные отношения и «группа профессионалов, преследующих определенные цели».

Поэтому при анализе литературе, посвященной СТ, можно встретить специфические методы управления кадрами[2], функции муниципальных органов управления[3], функции СМИ[4] и т. д., представленные как социальные технологии. Иными словами, если есть процесс управления и регулирования социальными отношениями, значит это – социальные технологии.

В.Н.Иванов и В.И.Патрушев говорят о том, что «сущность социальных технологий может быть понята как инновационная система методов выявления и использования скрытых потенциалов социальной системы, получения оптимального социального результата при наименьших управленческих издержках»[5]. Их дефиниция тяготеет к социальной инженерии, к социальному проектированию и конструированию реальности, в этом плане они ближе к западным социологам. Но и они не выделяют СТ в качестве самостоятельный дисциплины. Авторы рассматривают их как соответствие разновидностям задач, что означает некую междисциплинарную универсальность понятия, поэтому приводят обширный список, включающий технологии, связанных с социальной организацией общества, саморазвитием и самореализацией общества и личности, развитием социальных институтов.

Акцентирование внимания на эффективности управления в данной версии привело к тому, что понятие «социальные технологии» практически сливается с понятием «технологии социальной деятель-

---

[1] *Клинух Т.Ю.* Социальные технологии: диалектика репродуктивной и продуктивной деятельности // Социальные технологии: вопросы теории и практики. Ростов н/Д., 1992. С. 52 – 53.

[2] См.: *Мордвинов С.* Человеческий потенциал: принципы и социальные технологии инновационного анализа ситуации. СПб., 2004.

[3] См.: *Чукреев П.А.* Социальные технологии регулирования занятости молодежи. Улан-Удэ, 2000.

[4] См.: *Дюк А.В.* Социальные технологии работы с населением муниципальных образований. М., 2003.

[5] *Иванов В.Н., Патрушев В.И.* Социальные технологии. М., 2004. С. 3.

ности», которая, по определению М.Маркова, рассматривается в двух аспектах: 1) как система знаний об организации действительности, связанная с выполнением этапов, операций, методов, действий и т. п. по формированию общественных явлений, и 2) как технологизация знаний в процессе деятельности, которая выражается в трудовых действиях людей, соответствующих требованиям конкретных, специфических социальных структур[1]. Предназначением СТ становится «создание благоприятных условий воспроизводства нового типа социальности – гуманистического коллективизма»[2].

Введение в российскую научную практику таких дисциплин, как паблик рилешнз, реклама, маркетинг, выборные технологии, внесло некое смятение и, казалось, открыло новое поле деятельности для СТ, которые стали восприниматься как типично «западный» продукт.

В этом кроется парадокс: имея имидж «западного» продукта, СТ трактуются в контексте традиционных научных представлений, выработанных в России на протяжении 1960 – 1980-х гг.

В 1996 г. польский социолог Адам Подгорески выделил социотехнику как прикладную социальную науку, которая не была идеологизирована, но могла быть использована в целях разоблачения социально-инженеринговых стратегий коммунистического режима[3]. С тех пор социотехники иногда используются как «лэйбл» конкретных форм социальной интервенции (в основном в политическом контексте), а иногда и академической науки, изучающей различные формы социальной практики и правительственных стратегий[4]. Сам А.Подгорески расшифровывал понятие «социотехники» следующим образом: «Одни могут понимать «социотехнику» как прикладную социальную науку, которая может быть рассмотрена как набор методов инжиниринговых социальных акций. Это способствует концентрации социальных целей и задач и приведению их в соответствие со способами их реализации, с уточнением границ, характеризующих эффективность этих путей и представлений, при этом полагаясь на их единственное подтверждающее действие или на теоретические подтверждения выдвигаемых предложений, которые описывают и объясняют уместное социальное поведение»[5].

---

[1] *Марков М.* Технология и эффективность социального управления. М., 1982. С. 57 – 58.

[2] Иванов В.Н., Патрушев В.И. Социальные технологии. С. 88.

[3] *Alexander J., Schmidt J.K.H.W.* Social Engineering: Generalogy of a Concept // Social Engireening / A.Podgorecki, J.Alexander and R.Shield (eds.). Ottawa, 1996.

[4] *Hogsbro K., Pruijt H., Tsobanoglou G.* Sociological Practice and the Sociotechnics of Covernance // Paper presented on RC26 37-th Congress IIS «Frontiers of Sociology». July 2005. Stockholm (Sweden).

[5] *Podgorecki A., Schmidt J.K.H.W.* Sociotechnics – the new paradigm of social sciences // NL. N 1. 1997. P. 8.

Концепция Подгореского о социотехниках строится на различиях, установленных Поппером[1], между утопической социальной инженерией, с одной стороны, которая направляется иллюзорным видением идеального общества и обладает пределом, выражающимся в виде катастрофических последствий; с другой стороны – это частичная социальная инженерия, которая продолжается посредством идентификации социальных зол и ответом реагирующей на них реформы.

Социотехники были призваны выступать в роли критической дисциплины, анализирующей современную социальную политику, законодательство, СМИ, менеджмент и т. д., и в то же время производящей концепции и направляющей линии развития социальной практики. Такое видение социотехники требовало подтверждений в различных социологических направлениях и теориях. В книге «Многомерная социология» А.Подгорески и М.Лос[2] профилируют социологию (которая ссылается на системную теорию, функционализм, структурализм, исторический материализм, критическую социологию, герменевтическую социологию, феминологию, этнометодологию и символический интеракционизм) на эклектический подход, сочетающий в себе различные вклады, привнесенные этими направлениями в социологическое знание, чтобы получить полезные решения, которые можно использовать как некий инструмент для рекомендаций, интервенций и активного вовлечения.

В 1987 г. создалась ситуация, нуждающаяся в привнесении внутрь дискуссии вокруг социотехник не только многомерного социологического знания, но и широкого круга примеров социологических интервенций, начиная с семейных паттернов и кончая политическими программами. Таким образом, исходя из эпистомологической перспективы, парадигма социотехник уходила от амбиции установления уникальной модели для исследования социальной практики и выдачи рекомендаций для социально поддерживающих решений. Социотехники заняли более прагматичную позицию, где проблемы и возможные решения рассматривались прочно связанными с контекстом, в котором они находились.

Введение понятия «социальная практика» повлекло за собой уточнение термина «клиническая социология». Отличие между клинической социологией и социологической практикой не очень четко. Термин «клиническая социология» был впервые использован в 1920-х гг. как название разновидности практической медицинской социологии[3], но вскоре стал использоваться вне медицинской среды, как кон-

[1] *Popper K.* The poverty of historicism. L., 1979.

[2] *Podgorecki A., Los M.* Multidimensional Sociology. L., 1979.

[3] *Fritz J.M.* The emergence of American clinical sociology // Handbook of clinical sociology / In Rebach and Bruhn (ed.). Plenum Press, 1991.

цепт социальной патологии. Сегодня он употребляется как синоним социологической интервенции в социальные проблемы, конфликты и интеракции на персональном уровне: молодые правонарушители[1], жертвы сексуальных домогательств[2], группы взаимопомощи[3], интеракции в семье и конфликтное посредничество[4].

Социотехники можно рассматривать как часть широкого поля социальных интервенций. Это поле захватывает три уровня интервенций: организационный, локальный и национальный.

Национальный уровень связан с проблемами правления. Это поле можно очертить термином «правительственность» (governmentality – правительственность. – *С.Ш.*). Фоколт ввел этот термин в 1978 г., чтобы обозначить новую форму правительства в отличие от его традиционной формы, происхождение которой датируется восемнадцатым столетием. Эта новая форма правительства включает в себя одновременно «продолжение понятия и переосмысление того, что и в каких пределах является компетенцией государства, а что нет»[5]. Другими словами, правительственность имеет в виду, как люди управляемы и насколько они соглашаются быть управляемыми. Модуль правительственности состоит из комплекса специфических ответов на вопросы: «что значит управлять», «чем мы собираемся управлять», «как мы собираемся управлять (быть управляемыми)» и «почему мы согласны быть управляемыми». Таким образом, понятие «правительственность» включает в себя ответы на эпистомологические, технические и этические вопросы. Считается, что эти вопросы принадлежат культуре, которую производят члены общества[6]. Теоретики правительственности предполагают существование множества модулей. Современный модуль правительственности характеризуется акцентированием внимания на «ответственную и дисциплинированную автономию»[7], на «передачу полномочий» и на интеракции среди субъектов[8].

---

[1] *Bility K.M.* School violence and adolescent mental health in South Africa: Implications for school health programs // Sociological Practice. 1999.Vol. 1/4.

[2] *Dish E.* Research as clinical practice: Creating a positive research experience for survivors of sexual abuse by professionals // Sociological Practice. 2001.Vol. 3/3.

[3] *Williams P.* Community development's role in cardiovascular disease prevention projects for African Americans // Sociological Practice. 2000. Vol. 2/3.

[4] *Fritz J.M.* Teaching sociological practice: Starting with something special// Sociological Practice. 2002. Vol. 4/2.

[5] *Foucault M.* Governmentality // The Foucault Effect: Stidies in governmentality / In G.Burchell, C.Cordon and P.Miller (eds.) / Harvester, 1991. P. 103.

[6] *Dean M.* Governmentality. Sage, 1999. P 16.

[7] Ibid. P. 153.

[8] *Cruikshank B.* The will to empower. Democratic citizens and other subjects. Ithaca, 1999.

Локальные интервенции действуют внутри локального культурного контекста в среде локальной общности. Это своего рода рефлексирующая институция, отвечающая на все вызовы общества и времени, формирующая на базе локальных ценностей миллионы консенсусов для сотрудничества, проявляя уважение к международным контактам и сделкам. Действует эта институция с помощью профессиональных посредников, использующих в качестве базиса новые социотехники[1]. Одной из наиболее популярных является социотехника «планирующая клетка». Это форма схожа с принципами действия организационно-деятельностной игры и нацелена на поиск наиболее эффективного и правильного в данной ситуации решения. На этом этапе цель правительства – увеличить конкурентоспособность регионов на международной арене.

Организационный уровень интервенций успешно поддерживается членами группы, которых можно назвать представителями «гуру индустрии»[2]. Реализация происходит через тренинги с менеджерами всех уровней. Стандартная процедура в гуру-индустрии состоит в следующем: идентификация проблемы; формулирование модели решения; нахождение некоего эмпирического материала, который в той или иной мере поддерживает модель; нахождение образа, легко усваиваемого социумом и продвижение предлагаемой модели глобально как дороги, ведущей вперед. Лозунг: «Быстрые и ловкие игроки начинают усваивать модель; делайте, как я вам говорю, и богатое вознаграждение будет вашим; игнорируйте этот лозунг, и вы найдете себя сидящими на мели».

Таким образом, социотехники представляют собой дисциплину, относящуюся к политической социологии, которая рассматривает проблемы политического вмешательства (интервенции) на всех уровнях социальных отношений, в своем анализе она опирается на многомерность теоретической социологии и социальной практики и призвана не только объяснять социальную реальность, но и давать рекомендации, способные привести к изменению существующей действительности.

Основные категории, используемые в социотехниках, – «утопия», «миф», «легенда», «ценности».

Поскольку социотехники всегда направлены на изучение порога изменений, они ориентированы на постоянный поиск нового знания (в фундаментальном контексте в виде новых концептов, в приклад-

[1] *Collins D.* Management Fads and Buzzwords. Critical-Practical Perspectives. L., 2000.

[2] Guba and Lincoln Fourth Generation Evaluation. Sage, 1989.

ном – в виде новых решений). В этом плане знание выступает как технологичный элемент управления общественным сознанием.

Если мы встанем на позиции, предлагаемые западными учеными по отношению к социотехникам, то увидим, что родиной таких социотехник была Россия. Благодаря реализации большевистского проекта мир получил пример политической интервенции в эволюционное развитие страны. Полученные продукты в виде социотехники «установления диктатуры» и «организации и проведения революции в одной стране» были тиражируемы все прошедшее столетие. В этом смысле они доказали свою универсальность, поскольку были адаптированы к новым условиям, но сохранили и специфику используемых методов и последовательность действий, и технологичность, поскольку результат был узнаваем своей неизменностью.

Таким же первопроходцем Россия была и в области социальных технологий, связанных с привлечением посреднических услуг для поиска решений. В конце 1920-х – начале 1930-х гг. была создана уникальная форма социотехник – деловая игра. Разновидности проведенных деловых игр создали банк социальных практик, а методологические разработки 1980-х гг. вывели этот вид социальной техники на научный уровень.

Если рассматривать организационный уровень, где доминирующие позиции занимает тренинг, то Россия уступает Западу. Тренинги как форма обучения рабочих и служащих в российских организациях, учреждениях, предприятиях получили развитие с 1990-х гг., постепенно вытеснив деловые игры. Однако сам принцип использования института образования в качестве гуру-технологии на политической арене также впервые был использован в России в программе «Ликвидация неграмотности».

Соединение фундаментальных теорий в области социально-гуманитарного знания и накопленных социальных практик, а также информационных технологий позволяет сегодня создавать весьма продуктивные социотехники, истинные цели которых ловко спрятаны за эффективностью управления. Последствия этих целей не всегда просчитываются самими разработчиками, поскольку изменению подвержен как предмет, на который направлена технология, так и сама технология, будучи продуктом чьих-то представлений. Кроме того, изменчива и среда, в которой реализуются технологии.

В качестве иллюстрации можно привести образовательные тренинги. Почему не курсы, не образовательные программы, не институты и университеты, а тренинги? Это объясняется разницей в сущностном содержании и специфике тренинга. Тренинг рожден из микширования технологии игры и гипноза, поэтому не случайно его назвали «гуру-индустрией». К игровым элементам относятся: дове-

рительные отношения, атмосфера радости, комфортности, «несерьезность» и «нереальность» действия, происходящего здесь и сейчас, рефлексия, ритуал. К элементам гипноза – контакт, групповой катарсис, образ, эмоции. Игровые элементы создают завораживающий эффект невинности действия, создают благоприятные условия для действия гипнотических факторов.

Базисом тренинговой технологии служит замена существовавшего образа на новый. Получаемые знания по такой технологии сродни зомбирующему эффекту. Они прочны и лежат на подсознательном уровне. Эти знания не предлагают версий и всегда бьют точечно направленно. Они как бы кодируют поведение актора, делая его предсказуемым и прозрачным, в отличие от классических образовательных методов, которые призваны развивать мышление личности.

Для корпоративного управления такие специалисты необходимы, поскольку не создают конфликтных непредсказуемых ситуаций. Современные реалии определяют корпоративные структуры как продукт глобализации, находящийся вне государства. Корпоративные сети способны создавать специфические глобализированные регионы. Проблема состоит в том, что корпоративные цели и ценности не всегда совпадают и действуют в согласии с целями и ценностями государства.

Понятие «социальные технологии» имеет более широкое поле использования, чем понятие «социотехники». СТ как академическая дисциплина призвана анализировать на базе широкого спектра социологических теорий концептуальные преобразования интервенций, производимых вследствие использования достижений таких наук, как политология, психология, экономика, а также формировать банк социальных технологий и изучать их специфические особенности.

Например, теоретические представления классиков об универсальности социальных закономерностей находили свое отражение в поиске универсальных социотехник, которые могли быть использованы в любом обществе и в любое историческое время. Современные представления об атомарности общества, его индивидуализации привели к возникновению социотехник, опирающихся на принципы индивидуальной ответственности и самореализации личности. Как результат многие профессионалы в своих направлениях, становились экспертами по стимулированию, структурированию и менеджменту интеракций.

Парадокс сегодняшнего соотношения социотехник и социальных технологий с точки зрения академических дисциплин состоит в том, что социотехники, ограниченные политическим контекстом, занима-

ются концептуальным осмыслением своего развития на уровне фундаментальных социологических теорий, а социальные технологии, охватывая более обширное пространство, занимаются анализом действия частных технологий в конкретных ситуациях.

Чем отличается предлагаемая дисциплина «социальные технологии» от уже существующей «социальной инженерии»? На наш взгляд, та и другая связаны с конструированием реальности, с ее изменением. Ответ заключается в том, что социальная инженерия и есть дисциплина, производящая интервенции, а социальные технологии призваны распознавать и выделять технический инструментарий и критически осмысливать методологический базис деятельности этих технологий.

Отличительной особенностью современности является процесс технологизации гуманитарных сфер – знания, образования, культуры. С.В.Попов выделяет следующие изменения, происходящие в структуре знаний под воздействием их технологического освоения:

1) знания вырываются из общего контекста размышления о сущем и начинают существовать в рамках той техно-социальной системы, для которой они созданы. Это приводит к разделению знаний на несколько в значительной мере самостоятельных образований: информации, технологии передачи, хранения и организации информации, способов интерпретации информации (придания ей смысла через отнесение к тем или иным объектам);

2) знание отрывается от общей онтологической картины и в содержательном плане становится мозаичным. Из него собираются композиции, пригодные для решения утилитарных задач. Задача построения системы знаний теряет смысл, создаются базы данных и системы поиска нужной информации.

Другими словами, производство знаний становится индустриальной задачей, в результате этот предмет выпадает из сферы мышления[1].

Технологичность феномена «культура» проявляется в наличии ценностей и норм, которые выступают в роли определенных ограничений. Эти ограничения реализуются в ритуалах и правилах общественных отношений, присущих каждой культуре. Развитие социологии и психологии позволило превратить культуру в технологический атрибут управления и манипулирования обществом. Й.Хейзинга расценивает эти изменения как утрату игровой спонтанности, как переход к твердо организованной системе. С.А.Кравченко назвал это явление играизацией. «Играизация – новый, формирующийся

[1] См.: Этюды по социальной инженерии: от утопии к организации. М., 2002. С. 48.

тип рациональности, позволяющий в предпринимательстве, политике, культуре и даже личной жизни противостоять давлению хаоса, становясь фактором социального порядка постмодернистского типа – *порядка, порожденного из хаоса*»[1].

Технологизация культуры – это процесс включения культуры через игру в социальные технологии, осуществляемый на принципах рациональности и реализуемый в образовании. В отличие от играизации, которая не знает строгих правил и постоянно корректирует их, технологизация культуры предполагает жесткое соблюдение установленных правил и реализацию игры как социального проекта. Сходство этих понятий проявляется в игровой сущности обоих, поскольку игра формирует мораль действия, на основе которой возможны изменения и даже деформация сознания, как следствие – изменение алгоритмов поведения.

Таким образом, культура становится элементом социальных технологий, в результате чего, во-первых, институт образования становится мощным инструментом социального манипулирования обществом, во-вторых, возникает дополнительная зона интерпретирования функций института образования – саморефлексия институциональных структур и внутренняя саморефлексия отдельных социальных акторов[2].

Эти изменения находят поддержку в современных социологии, политологии и социальной психологии, которые стремятся «реинсталлировать индивида как ответственного актора, не зависящего тотально от структуры, но способного противостоять ей»[3].

Таким образом, в итоге мы имеем разрозненные фрагментарные знания, моральное право интепретации и манипулирования культурными ценностями и целевую направленность на активизацию актора, развитие его возможностей противостоять и воздействовать сложившимся структурным общественным отношениям.

Социальные технологии всех уровней используют в основе своей деятельности эти принципы. Например, развитие экономической дисциплины домохозяйствования акцентирует внимание на микроуровневых отношениях, складывающихся в семье. Последняя воспринимается как элемент общей системы экономических отношений. Четкие, технологично направленные знания создают эффект социальной интервенции, поскольку изменяют и формируют новую

---

[1] *Кравченко С.А.* Социология. М., 2004 С. 588.

[2] См.: *Шаронова С.А.* Универсальные константы института образования – механизм воспроизводства общества. М., 2004.

[3] *Hogsbro K., Pruijt H., Tsobanoglou G.* Sociological Practice and the Sociotechnics of Covernance // Paper presented on RC26 37-th Congress IIS «Frontiers of Sociology». July 2005. Stockholm (Sweden).

структуру экономических отношений. Ту же функцию выполняют и тренинги.

Деятельность СМИ, рекламы, паблик рилейшнз, маркетинга, выборных технологий строятся на игровом эффекте. Здесь игра идет с ценностями культуры, морали. Информация в этих сферах деятельности выступает не столько в роли знаний, сколько в роли образа. Эти образы прикрепляются к существующим и действующим, трансформируют их и вытесняют из сознания. Как следствие, СМИ формируют образ современного героя, то есть модель поведения, идеал, который необходим для сегодняшнего правления. Реклама внушает подсознательное отторжение знаний как аналитического инструментария и развивает потребительские амбиции. PR делает поведение индивидов и систем в сфере деловых отношений управляемым, контролируемым. Маркетинг формирует новые потребности общества, разрабатывая новые версии удовольствий, комфортности, желаний. Выборные технологии делают управляемыми политические процессы в обществе.

В основе всех этих интервенций лежит сценарий, атмосфера удовольствия и положительных доверительных отношений, нереальность в виде идеалов будущих блаженств, райской жизни и т. п. Не только развитие информационных технологий создает эффект виртуализации общественных отношений, но и социальные технологии современности нацелены на достижение такого эффекта. Уход в нереальность, в виртуальное общество – это тоже последствие играизации общественных отношений и технологизации знания и культуры.

Однако методологические основы современных социальных технологий порождают и такие негативные формы интервенции, как терроризм. Организация террористической деятельности полностью реализует все специфические черты современных социальных технологий: фрагментарность знания выражает технологическую практическую полезность этих знаний в проведении терактов; манипулирование культурными ценностями происходит в результате интерпретирования текстов Священной книги для формирования эффекта оправдания и обоснования своих действий; организационная активизация акторов нацелена на рассыпанные действия разрозненных акторов.

Методология активизации возможности сопротивляться воздействию действующих социальных структур, реализуясь в различных социальных технологиях, ведет как к положительным результатам, так имеет и негативные последствия.

Позитивные тенденции – создание корпоративных культур, объединяющих людей и формирующих моральные устои таких единений.

Создание таких культур способно оказывать воздействие на экономику и политику, требуя от них условий для реализации. Таким образом, эти культуры выступают как механизм социального контроля.

Соотнесение вызовов цивилизации со специфическими особенностями менталитета народов дает возможность урегулировать проблемы расхождения культур. Примером может служить опыт Японии, которая в начале прошлого столетия осознала необходимость принятия общих правил демократического общества, чтобы сохранить свою независимость. Изучение трудов Д.Дьюи сводилось к длительным попыткам увязать трактуемые закономерности американского представления о демократии с ментальными устоями японского общества. Они сумели провести связующие линии между этими, казалось бы, несовместимыми позициями.

Современные правительства, социальные процессы, как и социальные движения находятся под влиянием глобального дискурса. Используемые социальные технологии, используемые как на макро-, так и на микроуровнях, оказывают влияние на распределение ресурсов. В этой связи перед социальными технологиями как академической дисциплиной встают определенные требования:

– необходимо критически изучать присутствующие в теоретических и идеологических формах и целях утопии, поскольку они формируют методологическую базу используемых социальных технологий;

– нуждаются в дискуссиях и поддержке новые формы социотехнических практик, возникающие в социальных движениях и альтернативных инициативах;

– каждодневная жизнь людей должна быть защищена от социальных интервенций со стороны международных структур и локальных сообществ. В этом плане возникает потребность в изучении процессов не только на макро- и микроуровнях, но и на миниуровне локальных акторов. Основной дискурс должен лежать в изучении взаимодействия локального актора и интерорганизационных сетей;

– социотехники на различных уровнях общества имеют специфические культурно-институциональные характеристики. Для критического их осмысления необходимо использование многомерного знания, сосредоточенного в социальных и гуманитарных науках.